

УДК 32.0

Шумихина Марина Николаевна

аспирант НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Shumikhina Marina Nikolayevna

Postgraduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ:
ЖИЗНЬ, ЗАБВЕНИЕ,
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ**

**THE POLITICAL MYTH: ITS LIFE,
OBLIVION, CULTURAL MEMORY**

Аннотация

В статье рассматривается процесс существования и трансформации политического мифа, основными моментами которого становятся рождение мифа в рамках идеологии, его забвение и воскрешение как «формы прошлого».

Ключевые слова: политический миф; идеология; забвение; следы прошлого; культурная память.

Abstract

The article goes through the process of the political myth's functioning and transformation which includes «the birth» of the myth within the bounds of ideology, its «oblivion» and «resurrection» as the «form of the past».

Key words: political myth; ideology; oblivion; vestiges of the past; cultural memory.

Жизнь и коллективная память концептуально представлены в языке и культуре как два вида бытия. Смерть и коллективное забвение – два вида небытия. Платон, рассуждая о понятиях жизни и смерти, констатирует: «От того что, умерло, имеет начало все, что живет». В современном мире циклический путь от умирания к оживлению, и наоборот, характерен для всей культуры¹, при совершенном различии пространственно-временных рамок. Например, циклы в экономике включают экономический подъем, спад, депрессию (дно), оживление. Экономика – это базис государства, а базисом общества является мифология.

Процесс зарождения, умирания и трансформации мифов в культуре исследован достаточно широко. Появление первых мифов ученые относят к архаичным временам. XX век стал колыбелью существования политического мифа, и по сей день политический миф остается самой дискуссионной научной категорией.

Одним из первых, кто предложил использовать миф в качестве политического инструмента, был теоретик синдикализма Жорж Сорель. Он считал, что мифы должны создаваться искусственно, чтобы воодушевлять массы, воздействовать на человеческую фантазию.

Основу для фундаментальных исследований политического мифа заложил философ Э. Кассирер [6. С. 153–164]. Он пришел к выводу о двойственном характере политического мифа. С одной стороны, миф – продукт массового сознания, возникший при определенных условиях, а с другой – политические мифы стали продуктом целенаправленного идеологического производства [Там же. С. 157–158]. Таким образом, Э. Кассирер высказался относительно современных политических мифов как искусственных технологических форм, которые он противопоставляет естественному архаическому мифотворчеству.

В 1970-х гг. французский структуралист Ролан Барт, для которого миф – это сообщение и коммуникативная система, сделал акцент на знаковое воплощение

---

¹ Здесь мы рассматриваем культуру в самом широком смысле, как совокупный плод деятельности человека, выходящий за пределы биологического (К. Каган).

мифов. У Р. Барта понятие мифологии коррелирует с идеологией. Он различал «левый» и «правый» мифы. «Левый» миф возникает, согласно его трактовке, когда революция начинает маскироваться. Причем мифы слева он считает более бедными содержанием, так как миф и революция якобы отрицают друг друга. «Правый», т. е. буржуазный, миф он определял как «упитанно-лоснящийся», неистощимый на выдумки. Буржуазную идеологию он представлял как непрерывный процесс создания мифов [2].

В 1996 году британский политолог Кристофер Флад охарактеризовал политический миф «как идеологически маркированный рассказ», который находится на стыке идеологии и священного мифа.

В работах российских исследователей миф осмысливается как инструмент манипуляции общественным сознанием и часть идеологии, регулирующая духовную жизнь общества (А. К. Уледов, А. Цуладзе, С. Г. Кара-Мурза, И. И. Кравченко, И. М. Чудинова).

Самые различные подходы к изучению сущности политического выявляют одно: политический миф есть неотъемлемая часть идеологии и политики. Он является ключевым звеном идеологической модели и основным инструментом политики, т. е. жизнь политических мифов начинается именно с политической сферы, в рамках идеологий.

Платформой для появления политических мифов становятся идеи – фантазии мыслителей, которые собираются вести борьбу за идеалы. Но эти идеи лишь намечают вектор движения общества или социальной группы, а реальное движение вдоль него возникает в том случае, если произойдет превращение этих идей в политический миф [7]. Только став убеждением социальных масс, идея становится политическим мифом.

Политический миф – это вдохновляющая и мобилизующая образно выраженная идея, создающая в массовом сознании «чудесную» реальность. Такого присутствие политического мифа «здесь и сейчас».

Идеологии создаются теоретиками и публицистами, которых положение обязывает склоняться в той или иной степени к систематизации. При этом не важно, является ли источником идеологии деятельность одного человека (пример – марксизм), совокупность трудов разных мыслителей (пример – либеральная идеология), последователи идеологии, развивающие ее, нуждаются в некоем рациональном обосновании [10. С. 15]. Соответственно мифы, составляющие «паутину» идеологии, несомненно, связаны какой-либо концепцией «для мифотворца, возможно, научной; для мифопотребителя – безусловно, мифологичной». Концепция без мифа не существует для общества, миф без концепции – только сказка, в которую могут поверить только дети, а политически взрослые граждане воспримут как приукрашенный обман. Если политический миф не концептуален, тогда его трудно отличить от пустых выдумок или злонамеренной лжи [7].

Мифические элементы в политических идеях и связанные с ними символы, иррациональные образы способны оказывать огромное влияние на политическое поведение людей, вокруг них могут сплотиться огромные массы. «Часто в таких случаях мифы предстают перед нами в концентрированном виде и несут сильный эмоциональный заряд... Тот факт, что миф может быть внедрен в сознание человека через идеологически насыщенные символы, также свидетельствует о невозможности отказаться от мифа за счет рациональных рассуждений, поскольку рациональные аргументы обращены лишь к участникам поверхностного слоя мифа, не затрагивая глубинные слои сознания, на которые воздействует миф» [10. С. 68].

В рамках идеологии политические мифы приобретают совершенно различные формы. Знак-символ является основой любой политической силы. Такой символ становится формой существования мифа в политическом пространстве. Знамя, пар-

тийная эмблема, плакат, монумент, молитва, клич, фильмы, песни, публичные церемонии, литературные произведения – все это мифо-идеологические формы, которые всегда служили для поддержания в массах духа единства и идейной верности.

Интересны и такие формы мифа, как язык и лозунги. Речь политика является чуть ли не основным элементом политической деятельности, который, по сути, и представляет собой символ. Чем более образна речь, чем дальше она от нормы, тем интереснее политическая фигура, тем больше у нее шансов стать сакральной (происходит героизация политика).

«Удобные в применении» лозунги позволяют формировать общественное мнение и облегчают задачу как для их создателей, так и для их потребителей. Чаще всего это несколько слов, в которых понятно и доступно изложена цель или задача. «Земля – крестьянам! Фабрики – рабочим!», «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», «Каждой семье к 2000 г. по отдельной квартире» и т. д.

Как отмечают исследователи, отрицание данных символов означало бы гибель основанных на них идеологических систем.

Политические мифы – это искусственное творение, имеющее общие корни с архаическим мифом. Но специфика политических мифов заключается в том, что они с трудом внедряются в массовое сознание, при этом возникает необходимость в создании своего рода «обрядов» и «ритуалов», которые ведут к переживаниям, проживанию мифа. (Такие ритуальные комплексы были очень четко выстроены в Советском Союзе – принятие в октябрюта, в пионеры, в комсомол, в партию – жизнь человека была ритуализирована.) Для самих создателей политических мифов, они всегда понятны, но, несмотря на это, создатели мифов могут сами стать их жертвами.

Существующий политический миф в массовом сознании теряет свою истинность тогда, когда перестает быть священным, тогда он либо предается забвению (которое мыслится в социуме как бесследное исчезновение), либо под воздействием новой идеологии приобретает иной смысл; по существу, первообраз мифа уходит в прошлое. «Забывать – значит терять те сведения, которые мы знали» (Федон). Особенно активно это связано с переходными, кризисными периодами в жизни государств. Новая власть всегда нуждается в новой мифологии. Смена идеологии влечет за собой смену существующих образов, общество сталкивается с политикой целенаправленного забвения через стратегию замалчивания, ложных интерпретаций, идеологических манипуляций коллективным сознанием.

Такие сознательные процессы «демистификации» встречались и в архаических культурах, когда миф терял религиозное содержание, становился легендой или уходил в небытие [13. С. 115]. В современном же мире процессы «демистификации» происходят намного интенсивнее и чаще, особенно если это касается политического мифа. Переименование городов, улиц, площадей, уничтожение плакатов, различной символики, портретов бывших лидеров, демонтаж памятников – все это характерно для смены политических эпох, и когда приходит осмысление, утраченное сложно воспроизвести.

Не нужно забывать, что миф сам по себе не является ни хорошим, ни плохим, его нельзя оценивать с точки зрения морали. Его функция – демонстрировать образцы и таким образом придавать смысл миру и человеческому существованию [13. С. 146]. Немецкий философ Карл Ясперс, один из главных представителей экзистенциализма, отмечая тот факт, что в обществе существует угроза разрыва в истории, видит решение проблемы в следующем: «Когда враждебность к образованию самонадеянно уничтожает все прошлое, будто мир начинается сначала, духовная субстанция может быть сохранена в этом преобразовании только посредством исторического воспоминания, которое в качестве такового есть не просто знание о прошлом, а сила жизни в настоящем» [14. С. 164].

Здесь мы обратимся к слову-концепту «след». След можно рассматривать как знак, свидетельствующий существование, присутствие. По следам обнаруживают, узнают, догадываются. След – это и символический знак памяти. По следам в памяти восстанавливают, вспоминают, воспроизводят. Сохраненный след и образ в памяти соединяется с идеями вечности и бессмертия. Включение в память соотносится с включением в вечность [3. С. 7].

Коллективная память есть условие существования человеческого бессмертия. Феномен коллективной памяти разрабатывался в трудах М. Хальбвакса, Я. Ассмана и др. Гейдельбергский египтолог Ян Ассман выделил два вида коллективной памяти: коммуникативную (охватывает лишь ограниченный отрезок времени – три-четыре поколения – и не имеет прочных пунктов фиксации, связывающих ее с прошлым) и культурную. Ему удалось выявить и охарактеризовать специфические черты культурной памяти как формы передачи и актуализации смысла культуры. Специфика культурной памяти заключается в том, что она объективируется в определенных формах, т. е. имеет «пункты фиксации», для ее существования необходимы особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции, например жрецы, учителя, ученые, художники и т. д. [1. С. 54–62]. «Формы, в которых общество организует передачу информации, необходимой для сохранения этой идентичности, и институты, заботящиеся о передаче такой информации... раскрывают своеобразие и неповторимый стиль той или иной культуры» [8. С. 40].

Но воспоминания нельзя людям продиктовать: индивиды и коллективы выбирают из принципиально неограниченного множества событий и образов прошлого те, которые им, глядя из их настоящего, кажется осмысленным помнить [5. С. 35].

Для начала осмысления политических событий прошедшей эпохи необходимо определенное время. Само осмысление насупит только тогда, когда возникнет необходимость или интерес современных поколений к прошлому. Очень многое в этой ситуации зависит от политических властей. (Например: образы Александра Невского, Михаила Илларионовича Кутузова стали активно пропагандироваться во время Великой Отечественной войны.)

«Формы прошлого», в которых уже нет сакральности, в них запечатлено прошлое как вечное, таково новое начало политического мифа. В этих «формах» исторически происходит аккумуляция культурных смыслов. (Например, вокруг личности российского императора Павла I еще при жизни слагались мифы самого различного толка, и впоследствии его фигура в разные исторические эпохи переосмысливалась по-разному: от самодура до умнейшего человека своего времени, и только сейчас настоящее раскрывает нам все смыслы прошлого.) Миф становится формой кодировки информации – культурного смысла (или культурных смыслов). Таким образом, структура политического мифа предполагает такое соединение разнородных смысловых значений, которое создает диалектически замкнутое пространство самообоснования. Соединенные в мифе культурные смыслы соотносятся с разными временными и семантическими пластами культуры, истории и общественной жизни, наборами символов, идеологием, нормативных представлений, осколков научных, исторических, теоретических и философских конструкций, концептуальных понятий, предрассудков, фобий, архаических элементов [9. С. 68]. Контаминация (смешение) смыслов в политическом мифе значительно расширяет диапазон его применения в современных условиях и обеспечивает возможность для установления культурного диалога с прошлыми поколениями.

Политические мифы как «формы прошлого» существуют в виде предметов вещественных, т. е. доступных зрению и другим внешним чувствам, и невещественных, т. е. отвлеченных идей, доступных лишь мысли.

Политические мифы как «формы прошлого» отличаются от первообраза, так как намерение «не забывать» приводит к тому, что судьбоносные события претерпевают разнообразные трансформации. Ведь всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти, например в ходе рассказа, за этим следует новое его запоминание. При таком повторном запоминании, как указывает Вольф Зингер, запоминается и контекст последней ситуации вызова из памяти, т. е. изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах, переписывается [4. С. 29–30]. Проходит некоторое время, и, как правило, первоначальные воспоминания трансформируются в ходе их переосмысления.

Например, после революции большевики удержались у власти не только благодаря репрессиям. На штыках они бы долго не усидели, если бы не создавали свои мифы. Центральной фигурой многих из них стала фигура Ленина. «Образ Ленина еще при жизни пролетарского вождя стал обретать признаки сверхчеловека – божества с типичными чертами цикличности: мессианская цель – страдание за народ – победа, которая создает новую общность. Был создан квазирелигиозный культ Ленина как Бога Отца» [11].

Веру в Ленина как сверхчеловека невозможно внедрить в сознание современного народа, да и само переживание не репрезентируется, невозможно возобновить поток переживаний, можно только передать уже трансформированные представления, не свойственные массовому сознанию ушедшей эпохи.

Отсюда, политические мифы есть «формы прошлого», объективно сконструированные в настоящем. Они фиксируют культурную память и раскрывают ее содержание.

Нельзя помнить прошлое только тогда, когда нам это необходимо. Хотя современная реальность такова, что актуализация политического мифа напрямую зависит от существования политического режима. Только в демократическом обществе возможно воскрешение всех смысловых интерпретаций политического мифа, причем самыми разными путями.

Во-первых, актуализация политических мифов как «форм прошлого» может обеспечиваться различными ритуалами (светскими, гражданскими и даже религиозными): установкой памятника, увековечиванием имени, хранением фотографий и личных вещей, их музеефикацией и т. д.

Во-вторых, реальным путем актуализации политического мифа является восстановление в музейной среде угасающих или исчезнувших традиций,

В-третьих, актуализация политического мифа возможна в практиках культурного туризма через участие в исторических реконструкциях и историческом моделировании, практики посещения музейных экспозиций, участие в туристско-экскурсионной деятельности и др.

Свои размышления хочется завершить следующими словами: «Прошлое не умирает, оно просто затаилось и ждет своего “нового настоящего”».

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М. : Языки славянской древности, 2004.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашиных, 2000.
3. Брагина Н. Г. Память и прошлое: языковые образы, культурные практики // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003. – № 5. – Т. 62.
4. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2–3.

5. Гудков Л. Негативная идентичность // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2–3.
6. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. – 1993. – № 7. – С. 153–164.
7. Кольев А. Мифы нации и «консервативная революция». – URL: http://www.zlev.ru/56_1.htm
8. Культурология. XX век : энциклопедия. – Т. I. – СПб., 1998.
9. Мифологизация комплексов национальной неполноценности // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 6.
10. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.
11. Цуладзе А. Политическая мифология. – М., 2003.
12. Щербаков А. Е. Место мифа в политической идеологии // Полис: Политические исследования. – 2003. – № 4.
13. Элиаде М. Аспекты мифа. – М. : Академический проект, 2010.
14. Ясперс К. Духовная ситуация времени. – М. : АСТ, 2013.